

Замечательный мастер сцены

(К годовщине со дня смерти народной артистки

Армянской ССР Асмик Аюпян)

Год назад со сцены армянского советского театра ушел один из его замечательных строителей—выдающаяся артистка Асмик Степановна Аюпян.

Будучи воспитана на лучших традициях реалистического искусства, тесно связана с народом и живя его интересами, Асмик Аюпян создала галерею несравненных сценических образов.

У дочери жителя Старой Нахичевани Асмик еще в юности зародилась любовь к театру, которому она и посвятила всю свою жизнь. Благодаря своему исключительному трудолюбию, самоотверженному и бескорыстному служению театру Асмик уже в 1910 году выделяется в ряды известных артисток армянского театра.

Одна из наиболее отличительных черт творчества Асмик—ее народность. Именно служение народу, желание нести в массы правдивое слово искусства диктовали артистке—выступить на подмостках народного театра Зубалова в Тифлисе. Она—инициатор создания первого театра в Армении после установления советской власти. Мы имеем в виду театр в Дилижане, который она организовала в 1920 году. Асмик Аюпян известна как замечательная исполнительница персидских и сундукянских пьес. Созданные ею образы Шушан («Папо»), Хампер («Хатабла») вошли в историю армянского театра.

С огромной любовью относилась она к произведениям русской драматургии. Она исполнила роли во многих русских пьесах, а наиболее значительными ее сцениче-

скими творениями надо признать образы Василисы («На дне»), Кабанихи («Гроза»), Мелании («Егор Булычев и другие») и, наконец, Вассы Железновой в одноименной пьесе М. Горького.

Всю силу своего яркого таланта Асмик Аюпян отдала работе над образами современной героини. Последней ее работой была роль Анны Артемьевны в пьесе «Родные люди» М. Кочаряна на сцене театра имени Г. Сундукяна. Здесь она работала 28 лет, и эти годы, по собственному признанию Асмик Степановны, были наилучшими годами ее творчества, ибо, что может быть лучше, чем служить своим вдохновенным искусством народу, воспитывать его в духе советского патриотизма и высокой идейности.

1920 год... Сельская площадь. Глухо негодует народ, согнанный сюда силой нагайки и маузера озверелых дашнаков. Чувствуя, что дни их сочтены, дашнаки в беснующемся бешенстве расправляются с борцами за свободу и счастье народа. Здесь готовится казнь коммуниста Ваага, вожака борцов против гнусных врагов армянского народа.

Из глубины сцены показывается Анка—мать. Вся фигура, устремленная к сыну, выражает неизлечимую материнскую скорбь. Бесильные руки горестно опущены, пальцы время от времени нервно перебирают складки платья, выдавая внутреннее напряжение, ноги подкашиваются, но упорно шаг за шагом движется она к сыну. Всю силу самоотверженной материнской любви и муки она сосредоточила во взгляде, не отрывающемся от

сына. Враг требует, чтобы она узнала сына—коммуниста. Мать должна оканить, не выдать, не погубить. Вот она приближается и я вижу полные слез глаза.

Предельная искренность творчества Асмик заражает всех нас на сцене. Мы видим мать, идущую на великий подвиг. Это подвиг материнской любви, это подвиг во имя свободы и счастья своего народа, за которую сын отдает свою молодую жизнь.

Руки матери тянутся к сыну в непресборимом желании приласкать, облегчить боль, но проснувшееся сознание матери-борца призвет ей силу сдерживать себя, она только слегка касается его лица...

—Лучше солепнуть твоей матери, лучше ей не жить, сынок...

Эта полная внутреннего трагизма реплика потрясает не только зрителей, но и нас, актеров на сцене.

И след за этим, не отрывая взгляда от сына:

—Нет, я его не знаю...

Это звучит как удар по врагу. В эти скупые слова вложены вся многострадальная жизнь крестьянки, ненависть к врагу и воля к победе.

Более 120 раз я играл с Асмик в пьесе А. Гулакяна «На заре», исполняя роль Ваага, и каждый раз эта сцена возводила меня до глубины души своей внутренней насыщенностью, правдивостью и обаятельностью образа матери в исполнении Асмик.

В 1937 году снималась кинокартина «Зангезур». Это опять эпоха гражданской войны в Армении. Я исполнял роль начальника партизанских отрядов—Макнча, Асмик—роль его матери.

...В горах Зангезура дашнаки окружили партизан, но они не в силах сломить их сопротивление. Подлый враг погна-

л вперед себя безоружных стариков, женщин и детей, намереваясь под их прикрытием истребить партизан. Партизны в замешательстве—как стрелять? Ведь там их жены, матери и дети.

В эту решительную минуту раздаются смелый призыв к жестокой борьбе с врагом.

—Стреляй, Макнч, стреляй, сын мой.

Эта героическая армянская женщина-крестьянка, уверенная в победе, идет на подвиг, на смерть во имя независимости и счастья своих детей и отдает свою жизнь за светлое будущее.

Благородный и героический образ матери-армянки, созданный Асмик в театре и кино, запоминается на всю жизнь.

Выдающийся талант, мастерство, блестящая реалистическая игра Асмик всегда служили для нас примером. Асмик была обаятельна не только в роли матери. За свою творческую жизнь она создала более трехсот образов в театре и кино. Своим блестящим талантом и творчеством она сыграла выдающуюся роль в развитии советского театра и кино в Армении.

Свою многогранную творческую жизнь Асмик Аюпян сочетала с общественной деятельностью. Она была избрана депутатом Верховного Совета Армянской ССР.

В 1924 году, когда я еще начинающим актером пришел в театр имени Сундукяна, Асмик была уже известным мастером сцены. Она внимательно и чутко относилась к нам, молодежи, помогала в творческом росте, передавала свой опыт, свое мастерство и горячо радовалась каждому нашему успеху.

Светлый образ Асмик всегда будет для нас образцом того, как надо служить советскому искусству на благо народа.

ДАВИД МАЛЯН,

народный артист Армянской ССР.